

Жунь Цин немного задумался и ответил:

— Правила устанавливают люди, но сердце принадлежит лишь самому себе. Жизнь подобна краткому привалу, зачем же так цепляться за чужие взгляды?

Дуань Чэн снова спросил:

— А если, следуя зову сердца, навлечешь на себя людское осуждение и даже станешь изгоем в этом мире, как тогда быть?

— Если бы каждый был скован предрассудками, разве не стало бы в мире куда меньше искренности? — Жунь Цин говорил спокойно и твердо. — Истинное мужество не в том, чтобы игнорировать правила, а в том, чтобы за их пределами найти путь, за который не будет стыдно перед собственной совестью.

Дуань Чэн помолчал, а затем глухо произнес:

— Но этот путь вряд ли будет легким.

Жунь Цин прямо посмотрел на него, и в его глазах светилась ясность:

— Если отступить из страха, разве это не будет предательством самого себя? К тому же, хотя в мире много предрассудков, хватает и людей здравомыслящих. Даже если их единицы, они, словно звезды в ночной мгле, способны осветить дорогу впереди.

Дуань Чэн заметно тронулся этими словами и тихо вздохнул:

— Ты еще так молод, но уже обладаешь столь глубокими суждениями. Я искренне впечатлен.

Жунь Цин улыбнулся, его тон оставался непринужденным:

— Быть может, именно из-за юности мне кажется, что все на свете поддается переменам. В ваших словах сегодня, господин Сюнь, чудится какой-то скрытый смысл. Не сочтете ли вы за труд высказаться прямо?

В глубине глаз Дуань Чэна промелькнуло нечто темное, но он промолчал.

Видя это, Чжи Жо, стоявшая неподалеку, негромко произнесла:

— Господин, доктор Сюнь, чайный порошок уже растерт. Я вижу, вы так увлеченно беседуете, и мне хотелось бы исполнить для вас чайную игру байси, чтобы добавить встрече изящества. Что скажете?

— Чайная игра байси? Что это такое? — длинные ресницы Жунь Цина дрогнули, в глазах промелькнуло любопытство.

Чжи Жо мягко ответила:

— Байси — это искусство во время чайной церемонии. Чайная пена служит бумагой, а ложечка — кистью. На ней можно нарисовать все, что таится на сердце, всю многоликость бытия. Сегодня я использую чай как посредника, чтобы показать вам сцену единения сердец.

Сказав это, она позвала девушку с прической в стиле цианьбинь, державшую в руках пипу. Девушка поклонилась, села в углу чайной комнаты и коснулась струн, извлекая нежную мелодию.

Чжи Жо насыпала чайный порошок в чашу, добавила немного холодной воды, чтобы размягчить чай до состояния пасты. Затем она взяла чайник, медленно наклонила его, вливая кипяток, и другой рукой быстро взбила настой венчиком, добиваясь однородности.

Звуки пипы напоминали родник под луной: то стремительный поток, то тихая гладь. Движения Чжи Жо слились с музыкой — то быстрые, то плавные, сочетающие твердость и мягкость. Это было куда более одухотворенно, чем обычные выступления в чайных.

Чжи Жо продолжала подливать воду и взбивать, пока чайная пена не стала густой, белой, словно снег или нежный пух. Затем она перелила настой в чашку и мастерскими движениями начала рисовать. Пальцы легко порхали, запястье вращалось, и в чаше, словно по волшебству, проступил живой, детализированный рисунок.

Дуань Чэн сказал Жунь Цину:

— Госпожа Чжи Жо обладает удивительным талантом. Каждый раз, когда она готовит чай, узоры на пене никогда не повторяются.

Закончив, Чжи Жо поставила первую чашку перед Дуань Чэном:

— Эта первая чаша называется Тени бамбука на ветру. Она символизирует дружбу благородных мужей: хотя она и прозрачна, как вода, глубина ее подобна морю.

Жунь Цин с любопытством заглянул в чашку и увидел там бамбуковую рощу, чьи тени колыхались, будто от легкого ветерка. В самой чаше бамбука можно было разглядеть две фигуры, идущие плечом к плечу, с развевающимися одеждами. Он не удержался от возгласа:

— На таком крошечном пространстве изобразить столь тонкий и изящный рисунок — это поистине поразительно.

Дуань Чэн тоже смотрел с упоением:

— Мастерство Чжи Жо в байси стало еще совершеннее, чем прежде.

Чжи Жо слегка улынулась, переводя взгляд с Дуань Чэна на Жунь Цина:

— У бамбука есть узлы, но сердца могут быть едины. Вы оба — люди глубоких чувств, уверена, вы понимаете скрытый в этом смысл.

Чжи Жо налила чаю Жунь Цину. На этот раз на поверхности проступило море цветов, роскошных и ярких, чьи лепестки, подхваченные ветром, опускались на плечи двух фигур.

— Эта вторая чаша называется Пьяный сон среди цветов, — голос Чжи Жо звучал словно в грезах. — Цветение и увядание — все это предопределено судьбой. И начала, и концы — все зависит от одного лишь помысла.

Дуань Чэн подвинул к Жунь Цину поднос, на котором стояли маленькие баночки и фарфоровый молочник:

— Чай будет немного горчить. Если не привык, можешь добавить меда или цветочной пудры.

Жунь Цин покачал головой:

— Ничего страшного, я не боюсь горечи.

— Вот и хорошо, — в глазах Дуань Чэна мелькнуло одобрение. — Последний этап обработки многих сортов чая — ароматизация. По сути, добавляют ароматы, которых в самом листе нет, чтобы скрыть его природную горечь. Но мне кажется, что без этой горчинки невозможно ощутить истинный вкус чая. Способность разделить с близким другом и сладость, и горечь — вот в чем истинное наслаждение.

Он помолчал и указал на молочник:

— Можно добавить немного овечьего молока. Правда, это наш, бэйданьский способ, не знаю, придется ли тебе по вкусу.

Жунь Цин впервые услышал от него слова мы, бэйданьцы, и в глубине души возникло странное чувство. Тем не менее, он зачерпнул ложку молока, добавил в чай и размешал.

— Хорошо, попробую.

— Ну как? — Дуань Чэн подался вперед, с ожиданием глядя на него.

— Очень даже вкусно, никакого неприятного привкуса.

Дуань Чэн рассмеялся:

— Свежее овечье молоко никогда не горчит.

Ему было приятно, что Жунь Цин не отверг их обычай. Пока они беседовали, Чжи Жо подготовила третью чашу. На этот раз в чае отразилось звездное небо.

Дуань Чэн взгляделся в рисунок и спросил:

— Чжи Жо, как называется эта чаша?

— Эта третья чаша называется Звездная река, отраженная вдвоем, — Чжи Жо поставила чашу между ними. — Звездное небо необъятно, время течет бесконечно, а чайные узоры исчезают в одно мгновение. Но если есть с кем идти по пути, можно всегда сидеть друг напротив друга, пить чай, беседовать о житейском и не страшиться краткости жизни.

Она добавила:

— Этот чай раскроет свой истинный вкус, лишь если сердца двух людей станут едины. Не желаете ли вы использовать этот чай как повод, а чашу как ладью, чтобы вместе отправиться в это путешествие под звездным небом?

Услышав это, Жунь Цин слегка опешил, а затем смущенно произнес:

— Прошу прощения, но я по обыкновению не пью из одной чаши с другими. Боюсь, мне придется отклонить ваше любезное предложение, госпожа Чжи Жо.

Дуань Чэн, однако, ничуть не обиделся и лишь рассмеялся:

— Ничего страшного. У меня есть способ, который не поставит доктора Сюня в неловкое положение и не обесценит добрые намерения госпожи Чжи Жо.

Сказав это, он прошептал что-то на ухо девушке с пипой. Та понимающе улыбнулась, поднялась и направилась к выходу из чайной комнаты.

<http://bllate.org/book/19776/1948386>